

Протоиерей Леонид Кишковский

ПРАВОСЛАВИЕ В АМЕРИКЕ: ДИАСПОРА ИЛИ ЦЕРКОВЬ?

Согласно наиболее общему представлению, Православие в Америке — это общины эмигрантов, приходы и епархии, объединенные организующим принципом культурного и языкового наследия. Зачастую так представляют себе Православие в Америке патриархаты и «матери-Церкви» в Европе и на Ближнем Востоке. Довольно часто таким представляют себе Православие и средства массовой информации в США и Канаде. Но и для многих православных христиан в Америке весьма привычно рассматривать себя в свете этого «эмигрантского образа».

В результате все определения сущности американского Православия, исходящие из «эмигрантской модели», имеют отношение скорее к социологическим понятиям и категориям культуры, нежели к экклезиологии. Это делает вопрос: «Является Православие в Америке диаспорой или Церковью?» — необходимым исходным пунктом моего доклада, тема которого — православное понимание Церкви на основе американского опыта.

Исторические корни Православной Церкви в Северной Америке связаны отнюдь не с эмиграцией, а с миссионерством и евангелизацией. В 1794 году монахи-миссионеры из Валаамского монастыря прибыли на остров Кодьяк на Аляске. Они положили начало миссионерской деятельности, принесшей Евангелие Христово коренным племенам Аляски. Центром их усилий было не насаждение русского языка и культуры, а евангелизация народов Аляски. Поистине в основе подхода к миссии этих валаамских монахов было уважение к народной культуре и обычаям и желание воцерковить все, что было верного и ценного в их национально-культурной традиции. Итак, первоначальным измерением Православия в Америке было измерение апостольское — подлинный миссионерский импульс к евангелизации.

С продажей Аляски Соединенным Штатам в 1867 году открылась новая страница в истории Православия в Северной Америке. Вскоре была образована Американская епархия, а епископ для Северной Америки перестал быть всего лишь викарным епископом, окормлявшим православную паству на Аляске. Теперь православные прибывали в качестве иммигрантов в такие города, как Новый Орлеан, Сан-Франциско и Нью-Йорк. Новым центром епархии стал Сан-Франциско. Новые приходы сильно отличались друг от друга. Некоторые имели смешанный этнический состав, когда греки, русские, сербы и арабы делили между собой один и тот же приход. Другие были этнически однородны, состоя только из арабов или греков, русских или украинцев. В свою очередь некоторые приходы состояли из бывших униатов, по национальности — карпатороссов, галичан или русинов.

Поток эмигрантов с Ближнего Востока и из Центральной и Восточной Европы продолжался в течение десятилетий и иногда состоял из волн экономических эмигрантов, иногда — из волн политических беженцев, спасавшихся от тоталитарных режимов и войн, иногда замедлялся или прекращался вовсе. Сегодня же возобновляется процесс эмиграции из посткоммунистических обществ.

В 1960-е годы в американском и канадском обществах обнаруживается новый феномен обращения в Православие. К примеру, ежегодно, начиная с середины 1960-х годов, примерно половина всех абитуриентов Свято-Владимирской семинарии составляют те, кто перешел в Православие из других конфессий. Все они — мужчины и женщины — были приняты в Православную Церковь в зрелом возрасте. Они приняли сознательное решение исповедать себя православными. Некоторые из них были активными и убежденными членами других христианских общин, однако сами пришли к осмыслению Православия как полноты христианской веры. Другие жили в атмосфере секуляризма, агностицизма или атеизма и только в Православной Церкви встретили Христово Евангелие. Наконец, иные пришли в Церковь из нехристианских религиозных традиций. Принятые в Православную Церковь, они приносят с собой целую историю семейных традиций, не имеющих ничего общего с православной культурой. Во всяком случае, они имеют богатый, хотя иногда и непростой опыт соприкосновения западных культурных обы-

чаев и традиций с восточно-христианским богословским видением.

Таким образом, реальность американского Православия так же сложна, как и сама Америка. Множество элементов истории, культуры и традиций прошлого, составляющих феномен Америки, составляют также и феномен Православия в Америке. Но с другой стороны, реальность Православия в Америке так же сложна, как само Православие. Внутри американского Православия представлены все патриархаты и все Церкви Ближнего Востока, Европы и Африки. Любую культуру и любой язык, который можно встретить в православном мире, можно встретить также и в Северной Америке.

Накануне коммунистической революции в России в Северной Америке была только одна церковная иерархия. Несмотря на то, что этническая, лингвистическая и культурная мозаика Православия в Америке была уже весьма разнообразной, не было множества церковных «юрисдикций». Как с формальной, так и с неформальной стороны разнообразие в среде православных общин сохранялось в границах церковного единства.

В начале XX века Северо-Американская епархия возглавлялась Тихоном (Беллавиным), вначале в качестве епископа, а затем и архиепископа. В будущем исповедник, патриарх Московский и канонизированный святой, своими трудами и размышлениями он явил необычайную силу пастырского духа и церковного видения. Он понимал и целиком поддерживал разнообразие в среде своей паствы. Но также он понимал и поддерживал необходимость церковного единства. Сущность его видения и замысла в отношении Православия в Америке — это Церковь, где нужды разного по происхождению православного населения подлежали бы пастырскому окормлению со стороны арабского, греческого, сербского и русского епископов (и, по необходимости, епископов, представляющих другие культурно-этнические традиции), однако где единство епископата — а соответственно и Церкви — сохранялось бы в рамках канонической структуры, когда епископы, во главе с архиепископом, следуя принципам единства и соборности, действовали бы как единый церковный организм. Он видел в будущем автономную Православную Церковь в Америке и в одном документе даже приме-

нил слово «автокефальная», в то же время осторожно пометив это слово вопросительным знаком.

Этот замысел начинал мало-помалу осуществляться. Епископ для арабов, Рафаил (Хававини), был первым православным епископом, хиротонисанным в Северной Америке. (Недавно епископ Рафаил был канонизирован Православной Церковью в Америке с участием Антиохийской Православной Архиепископии Северной Америки.) Был хиротонисан викарный епископ для паствы на Аляске. Планировались хиротонии греческого, сербского и других епископов для различных православных общин США и Канады. Отзыв архиепископа Тихона в Россию в 1907 году замедлил осуществление его тщательно продуманных планов. А Первая мировая война, за которой последовали коммунистическая революция и гражданская война в России, нарушили процесс развития Православия в Северной Америке.

В 1920-е годы в Америке возникло множество «юрисдикций», и тем самым было положено начало десятилетиям эклезиологической бессмыслицы, когда одна и та же территория и православная паства были разделены между каноническими Православными Церквями по принципу национальной, культурной и языковой принадлежности. Усилия этих «юрисдикций» отныне были направлены на сохранение разнообразного национально-культурного наследия — русского, греческого, сербского, сиро-ливанского, румынского, албанского, болгарского и др. Постепенно как в самой Америке, так и со стороны «материнских Церквей» Православие в Америке стало рассматриваться как «диаспора» или же, если быть точным, как ряд национально-церковных «диаспор», объединенных Православием, но разделенных этнически, культурно, канонически и административно.

Время от времени предпринимались инициативы к созданию структур, способствующих единству. Это были попытки объединить православных на консультационном и координационном уровне. Наиболее значимой попыткой стала Постоянная конференция канонических православных епископов в Америке (Standing Conference of Canonical Orthodox Bishops in the Americas — SCOBA). Образованная в 1960 году, SCOBA остается основным форумом межправославного сотрудничества в США. Несмотря на то, что сама по себе SCOBA не является сильным институтом и не обладает ни-

какой канонической властью, она задает рамки для совместной работы и миссионерской деятельности. Существует ряд агентств и организаций, находящихся под эгидой SCOBA, которые оказались способны построить свою работу так, «как будто» православные в Америке уже объединены в рамках одной Церкви. В то же время в основе «канонической позиции» SCOBA лежит сохранение параллельных «юрисдикций».

Иной подход к решению вопроса о будущем Православия в Америке был реализован в 1970 году, когда Русская Церковь даровала Томос об автокефалии тому образованию, которое тогда называлось «Русская Православная Греко-Кафолическая Церковь Северной Америки» и которое стало Православной Церковью в Америке (Orthodox Church in America — OCA). В период гонений на Российскую Церковь со стороны коммунистического режима в 1920-е годы Американская епархия объявила о своей «временной автономии» — в 1924 году. Эта епархия постепенно превратилась в Церковь, включавшую несколько епархий и часто именовавшуюся Американской «Митрополией». Поскольку Московский Патриархат не признал самопровозглашенной автономии этой Митрополии, вплоть до 1970 года Митрополия находилась в расколе с Русской Церковью. С другой стороны, в самой Америке поддерживалось евхаристическое общение между Митрополией и новыми православными юрисдикциями Константинополя, Антиохии, Сербии, Румынии и Болгарии. С помощью Томоса об автокефалии было восстановлено общение между Московским Патриархатом и Православной Церковью в Америке. Кроме того, посредством этого Томоса Православная Церковь в Америке была уполномочена на созидание православной жизни при сохранении общения и добрых отношений с другими Православными Церквями и в стремлении к достижению полного канонического единства Православия в Северной Америке.

Дарование автокефалии Православной Церкви в Америке вызвало то, что покойный протопресвитер Александр Шмеман назвал «знаменательной бурей». Поскольку Православные Церкви рассматривали Православие в Америке как «диаспору», создание в Америке автокефальной Церкви стало вызовом и сложной проблемой. Был весьма вероятен разрыв евхаристического общения, что означало бы раскол в самой

Америке и, возможно, даже за пределами Северо-Американского континента. Хотя раскола удалось избежать и сотрудничество в рамках SCOBA было в конце концов восстановлено, каноническое единство достигнуто не было.

В 1990-е годы визиты в США Константинопольского, Антиохийского, Московского и Сербского православных патриархов продемонстрировали фундаментальное единство Православия в Америке. Несмотря на то, что Константинопольский, Антиохийский и Сербский патриархи совершали пастырские визиты к своей собственной пастве, своей собственной «диаспоре», а патриарх Московский был гостем Православной Церкви в Америке, православные христиане в США видели в патриархах, посетивших их страну, знамение православного единства.

В этой атмосфере и в этих условиях под эгидой SCOBA были созданы два значительных межправославных института. Международная православная благотворительная организация (International Orthodox Christian Charities — IOCC) и Православно-христианский миссионерский центр, будучи, соответственно, филантропическим и миссионерским агентствами, представляющими православных христиан Америки, плодотворно работают уже в течение более десяти лет, действуя так, «как будто» полное каноническое единство уже достигнуто.

В 1994 году иерархи, входящие в состав SCOBA, впервые созвали совещание канонического православного епископата в Америке. Около сорока епископов встретились в «Антиохийской Деревне» — конференц-центре и доме отдыха Антиохийской Архиепископии, которые расположены в г. Лигоньер, штат Пенсильвания. Иерархами были приняты два документа: «Заявление о положении Церкви в Северной Америке» и «Заявление о церковной миссии и евангелизации».

«Заявление о положении Церкви в Северной Америке» было почтительным и смиренным обращением к Вселенскому Патриарху и Предстоятелям других материнских Церквей. В нем с благодарностью отмечались «любовь и забота, проявившиеся в том внимании, которое было отведено вопросу «диаспоры» в повестке предстоящего Великого и Святого Собора, как это явствует из текстов, одобренных подготовительной комиссией». Далее в нем говорилось: «Мы ожи-

даем следующего заседания Комиссии, о котором говорится в тексте, принятом в ноябре 1993 года. Мы подчеркиваем, что чрезвычайно важно, чтобы Церковь в Северной Америке была непосредственно представлена на этом и будущих заседаниях. Как возможно обсуждение бытия Церкви в Северной Америке в наше отсутствие? Мы должны быть там, чтобы поделиться опытом двухсот лет, в течение которых мы проповедовали Евангелие и жили по православной вере за пределами исторически православных территорий... Далее, мы пришли к согласию в том, что для нас неприемлем термин «диаспора» для обозначения Церкви в Северной Америке. На самом деле, с точки зрения экклезиологии, этот термин проблематичен. Он умаляет полноту веры, которой мы жили и которую переживали на опыте здесь в течение последних двух столетий».

«Заявление о церковной миссии и евангелизации» было ясной декларацией того, что миссия «есть сама сущность Церкви и естественное выражение ее апостольской природы». Заявление отсылало к выдающейся истории православного миссионерства — миссии среди славянских народов, миссии в Сибири, Китае, Корее и Японии, к евангелизации коренных народов Аляски и к современной миссии в Африке, в Индонезии и Албании. В заявлении содержалось обращение к Вселенскому Патриарху с призывом созвать всемирную миссионерскую конференцию с тем, чтобы «помочь координации в вопросах стратегии и задач православной миссии во всем мире». Заявление завершалось следующим образом: «Мы, православные в Северной Америке, обязуемся привести в порядок наш собственный дом для того, чтобы проповедовать Благоую весть Иисуса Христа, Его Воплощение и Его учение, Его распятие, смерть, погребение и воскресение и Его пребывание в Церкви чрез нисхождение Духа Святаго».

Несмотря на то, что эти заявления были составлены с должным почтением и имели целью способствовать продвижению к православному единству под руководством патриархатов, они вызвали резко негативные реакции и немало споров. Посредством этих заявлений не удалось получить поддержку со стороны патриархатов в деле поступательного движения к каноническому и административному единству Православия в Америке.

В течение последних двух лет Антиохийская Архиепископия Северной Америки вела активные консультации и даже споры с Антиохийским патриархатом по вопросу предоставления Архиепископии «автономии». В результате Священный Синод Антиохийского Патриархата принял постановление, утверждающее «самоуправление» Архиепископии: «Антиохийская православно-христианская Архиепископия в Северной Америке является и остается самоуправляющейся в границах ее настоящей юрисдикции (США и Канада) и будет составлять одно единое церковное образование в Антиохийской юрисдикции». Прочие меры, обозначенные в этом постановлении, предусматривают создание епархий в составе единой архиепископии, устанавливают порядок избрания епископов для этих епархий путем соответствующих действий со стороны самой Архиепископии и определяют такой порядок избрания митрополита-предстоятеля, согласно которому право выдвижения трех кандидатов закреплено за Архиепископией, а само избрание митрополита-предстоятеля осуществляется Священным Синодом Антиохийского патриархата. До сего времени синод Архиепископии состоял из викарных епископов, а его председателем был митрополит-предстоятель. В соответствии с недавним постановлением Священного Синода, члены синода Архиепископии в будущем становятся правящими епархиальными епископами. Предусматривается также регулярное проведение общецерковных собраний, состоящих из епископов, а также клириков и мирян, делегированных от всех приходов.

В Греческой Православной Американской Архиепископии высказывались суждения, что установление церковной «автономии» этой Архиепископии в составе Константинопольского патриархата является необходимой и оправданной целью. В настоящее время Греческая Американская Архиепископия включает в себя епархии во главе с правящими епископами (архиепископом и митрополитами), а митрополиты являются членами синода под председательством предстоятеля-архиепископа. Совет Архиепископии, в состав которого входят епископы, клирики и миряне, наделен финансовыми и административными полномочиями. Собор духовенства и мирян состоит из епископов, клириков и делегатов-мирян, представляющих все приходы Архиепископии.

Надо отметить, что русская Митрополия придерживалась принципов церковной организации и строя, установленных на Поместном Соборе Российской Церкви 1917-1918 годов, и подавала пример остальным. Так, в регулярно созываемых Всеамериканских церковных соборах принимают участие все епископы, а также клирики и миряне в качестве делегатов от всех приходов. (То, что Собор Российской Церкви составляли клирики и миряне, представляющие епархии, а церковные соборы в Америке составляют делегаты от приходов, объясняется лишь разницей в численности приходов и епархий.) Священный Синод епископов является высшим каноническим органом Церкви, собирается два раза в год и состоит из всех епархиальных архиереев; присутствуют также викарные епископы без права голоса. В состав Митрополичьего Совета под председательством предстоятеля входят клирики и миряне, избранные Всеамериканским Собором, а также епархиями.

Следует отметить также интересную историческую деталь: американская практика проведения собраний, на которых клирики и миряне вместе со своими иерархами принимают общие решения относительно церковной жизни, предшествует Всероссийскому Поместному Собору 1917-1918 годов. Инициатива созыва первого американского Собора принадлежит архиепископу Тихону, который в 1907 году организовал встречу духовенства и мирян в г. Мейфилд, Пенсильвания. В свойственном его архипастырскому руководству стиле он дал понять, что хотел бы видеть открытое обсуждение и соборное принятие решений. Таким образом, еще задолго до решений, принятых на Соборе 1917-1918 гг., американские православные, ведомые будущим святым исповедником, стали разделять ответственность со своими архипастырями.

Ныне подобные структуры церковного управления, действующие под руководством иерархии, но включающие духовенство и мирян с правом решающего и совещательного голоса, существуют в большинстве православных «юрисдикций» Северной Америки.

Вышесказанное свидетельствует о том, что Православие в Америке определяется различными факторами: миссионерством, иммиграцией, обращением в Православие. Как мы видели, Томос об автокефалии, дарованный Московским Патриархатом Православной Церкви в Америке, утвердил пра-

вославную экклезиологию, подтвердив принцип и практику «местной Церкви», и таким образом косвенно отверг понятие «диаспоры». Мы обратили внимание на то, что, образовав SCOBA, канонические православные «юрисдикции» в Америке попытались создать структуры сотрудничества и единства, сохраняя в то же время концепцию параллельных «юрисдикций». Мы также упомянули о том, что американские православные иерархи, собравшиеся на первую епископскую ассамблею, постарались выразить опыт жизни православных Америки в терминах православного свидетельства в Америке, а не в терминах «диаспоры». Также мы отметили, что структура церковного управления в Америке, для которой характерны центральная роль иерархии и соответствующее участие духовенства и мирян, то есть которое оставляет место соборному подходу, в основных чертах является подобной в различных Православных Церквях Америки.

Православие в Америке — это лишь один пример полнокровной православной жизни «за пределами исторически православных территорий». Православные епархии и общины существуют в Западной Европе, Южной Америке и Австралии. Вопрос о том, является ли Православие «Церковью или диаспорой», для них так же актуален, как и для Северной Америки.

В целом создается впечатление, что для православных патриархатов и автокефальных Церквей на «традиционно православных территориях» свидетельство и будущее Православия в Северной и Южной Америке, Западной Европе и Австралии — это вопросы второстепенные. В ответ на это надо заявить — и заявить настоятельно, — что свидетельство и будущее Православия на Западе, в широком смысле этого понятия, является вопросом чрезвычайной важности. Православная Церковь считает себя Церковью католической, и не только в смысле ее «целостности», но также и в смысле ее «вселенскости». В то же время до сих пор весьма распространенным и во многом оправданным является взгляд, согласно которому сфера Православия ограничена традиционными регионами Центральной и Восточной Европы и Ближнего Востока. Православное свидетельство на Западе жизненно необходимо для свидетельства о католическости Православия в современном мире.

Следует признать печальный факт, что за пределами своих «традиционных» регионов Православие оказывается раз-

деленным на ряд параллельных «диаспор». Можно даже сказать, что для нынешнего православного сознания весьма удобны эти параллельные «вселенскости». Предполагается, что каждая из Православных Церквей закономерно является «вселенской», закономерно утверждая свое присутствие в качестве наследия, юрисдикции, «диаспоры» в любой стране или регионе. Более того, предполагается, что Православная Церковь может быть выражена в категориях «диаспоры».

Единственный путь из этого тупика — возрождение подлинно православной экклезиологии, обновление нашей верности церковному видению апостольского призвания Церкви. Понятие «диаспоры» совершенно не отвечает апостоличности Церкви. Те, кто считает, что Православная Церковь, живущая за пределами исторически православных территорий, живет в «диаспоре», по существу умаляют апостоличность Церкви. Представление об апостольской Церкви нельзя сводить к понятию обладания «корнями» или «основами» в тех местах, где проповедовали апостолы Христовы и где они основали церкви. Быть апостольской означает также продолжать апостольское служение — в новых обстоятельствах и на новых землях.

Представление о «параллельных юрисдикциях», будучи естественным продуктом диаспорального сознания, чуждо православной экклезиологии. Попытки оправдать существование «юрисдикций» обычно приводят к сокрытию экклезиологической бессмыслицы и даже греха юрисдикционизма под покровом таких понятий, как единство в вере и единство в таинствах. Но единство в вере и единство в таинствах как раз и требуют единства епископского служения и соборности, конкретного единства и соработничества ради свидетельства и миссии Церкви!

Можно дерзнуть сказать, что «параллельные юрисдикции» являются большей угрозой православной экклезиологии и богословию, нежели раскол или даже ересь. Опасности и деформации, которые несут с собой раскол и ересь, обычно ясны и недвусмысленны. Те, кто отпал в раскол или ересь, находят для себя оправдания и объяснения, но Церковь как целое твердо противостоит расколу и ереси, отвергая искажения, которые они порождают.

В случае же с «юрисдикциями» их апологеты постоянно предлагают красивые и гармоничные оправдания, указывая

на единство в вере и единство в таинствах. «Мы уже едины, как в вере, так и в таинствах, и поэтому не стоит беспокоиться о единстве в составе одной поместной Церкви». Таков взгляд на Православие в Америке, который сегодня воспринимается в Православных Церквях как самоочевидный и вполне приемлемый. И мало кто замечает, что этот взгляд противоречит православному учению о Церкви — как с практической, так и с богословской точки зрения.

Безусловно, приверженность православной экклезиологии должна иметь пастырский характер. Заботой Церкви является спасение душ, спасение личностей, утверждение у верующих христиан правильного понимания их отношения к Богу, к Церкви и друг к другу.

С этой точки зрения очевидна необходимость принимать во внимание культуру и язык конкретного народа или общины. Когда иммигранты прибывают в новые страны, поначалу они, естественно, рассматривают себя как «диаспору». И Церковь должна с пастырской чуткостью относиться к их самопониманию. С точки зрения миссиологии пастырская чуткость к православным иммигрантам с диаспоральным сознанием столь же важна, как и пастырская чуткость к обратившимся в Православие и к людям, которые не являются христианами или православными.

Противоречия и проблемы возникают лишь тогда, когда сама Церковь воспринимается как диаспора, так что диаспора становится организующим принципом церковной жизни. Необходимо со всей определенностью сказать, что Церковь Божия может и должна быть чуткой к тем, кто сознает себя как диаспору. Церковь гораздо больше и пространнее, нежели диаспора, и может пастырски содержать в себе этнические, национальные и языковые общины, которые рассматривают себя в качестве диаспор.

Но когда мы пытаемся Церковь Божию втиснуть в рамки понятия диаспоры, мы грешим против природы Церкви, заставляя ее преследовать цели и выполнять задачи, не являющиеся главными в ее миссии и призвании. Как следствие мы не можем сообщить православным верующим правильную богословскую перспективу и церковную направленность. Тем, кто видит себя в качестве культурных и национальных диаспор, необходимо помочь увидеть правильное соотношение между этими относительными ценностями и более ши-

роким пространством Церкви Божией, которая устремлена к полноте Божией и по самой природе включает в себя многие культурные и национальные общины.

Другое отрицательное следствие диаспорального сознания — утрата доверия к свидетельству Православной Церкви. Одной из сильных сторон православного свидетельства в рамках экуменизма и в мире вообще является ясность экклезиологического учения Православной Церкви. Православное понимание природы Церкви было важным и значимым вкладом православных в экуменический диалог. Оно также было существенной чертой, которая привлекала к Православию тех, кто встречался с православным богословием в процессе поиска подлинного выражения христианской жизни, подлинного выражения Единой, Святой, Кафолической и Апостольской Церкви. Печально, что люди, впитавшие богословское содержание православной веры и экклезиологическое самосознание Православной Церкви, соприкасаясь с эмпирической реальностью православной жизни и православного церковного строя, оказываются поражены и приведены в замешательство теми противоречиями, которые они видят.

В Америке, как и везде в так называемой «диаспоре», в действительности нетрудно немедленно начать ответственный, открытый и жизнеспособный процесс, направленный на достижение единства Православной Церкви. Для этого требуется общая готовность Православных Церквей двигаться в сторону создания местных автономных или автокефальных Церквей. Необходимо будет искать верные пути для выражения единства епископата, для осуществления служения предстоятеля, для обеспечения координации и сотрудничества между Церквями. Поступательное движение в этом направлении не лишит патриархаты и Церкви-матери поддержки со стороны общин, которые они до сих пор воспринимали как «диаспору». Напротив, это будет способствовать созданию более надежной и эффективной системы поддержки патриархатов и материнских Церквей. Продвижение по этому пути не лишит также и возникающие поместные Церкви поддержки, мудрого совета и наставления со стороны патриархатов и материнских Церквей. Напротив, такие поддержка, совет и наставление будут только приветствоваться.

Необходимый «верный путь» уже содержится в экклезиологическом видении Православной Церкви. Проблема не в

нахождении новых формул или принципов. Проблема в том, чтобы экклезиологическое видение Православной Церкви подтверждалось богословски и применялось на практике.

Ответ на вопрос: «Дияспора или Церковь?» — однозначен — «Церковь, а не дияспора!» В Америке, в других местах, где Православная Церковь живет на «исторически не православных территориях», и в исторических центрах Православия сегодня нет большей необходимости, чем необходимость жить по православной вере, в полной верности истинной экклезиологии Православной Церкви. Этот путь позволяет предотвращать или преодолевать разделения и расколы. Этот путь позволяет с убедительностью свидетельствовать перед лицом мира и других христианских сообществ. Этот путь позволяет сообщать членам Тела Христова радость церковного опыта и осуществлять достойное пастырское попечение, приуготовляя их к жизни в служении Евангелию Христову.